

Русские старообрядцы в Китае

© 2011

А. Хисамутдинов

Статья посвящена истории русского старообрядчества в Китае, формированию общин старообрядцев в Маньчжурии, их деятельности, быту и занятиям.

Ключевые слова: российская эмиграция в Китае, старообрядцы, поповцы, беспоповцы.

Исторический опыт старообрядцев, сохранивших традиционную культуру во время вынужденного бегства из России и жизни в других странах, до сих пор не утрачивает своей актуальности. Он может дать ответы на многие вопросы, касающиеся будущего России и нравственного здоровья русского этноса.

О жизни старообрядцев в Китае осталось не так много непосредственных свидетельств. Одно из них — небольшая брошюра представителя старообрядцев-поповцев (приверженцев старого обряда, приемлющих священство) Николая Ефимовича Старцева, описавшего историю старообрядческой церкви в Харбине¹. Меньше известно о старообрядцах-беспоповцах: только некоторые из них оставили воспоминания, записанные с их слов². Некоторые сведения о старообрядцах сохранили эмигрантская печать и произведения литераторов-эмигрантов.

В 1930-е гг. русскими старообрядцами заинтересовалась Япония, предпринимавшая в тот период попытку переселения своих граждан в Маньчжурию. Программа выполнялась с огромными трудностями, и японская администрация обратилась к успешному опыту старообрядцев в Китае, где еще раз подтвердилась их способность адаптироваться к новым для них природно-экологическим, социально-экономическим, демографическим и этнокультурным условиям, о чем неоднократно писал харбинский журнал «Рубеж». Японские исследователи тогда детально изучили старообрядческий быт³. Нужно отметить, что и в современной Японии ученые продолжают заниматься русскими старообрядцами: интересные работы опубликовали профессора Е. Накамура⁴ и Н. Игуоэ⁵.

Историей старообрядцев в Приморье, в частности, жизнь старообрядческой деревни Романовка, занимается Ю.В. Аргудяева⁶. По этой теме имеются публикации владивостокской исследовательницы В.В. Кобко и других⁷. К сожалению, пока не создано комплексных работ по всему старообрядческому движению из Приморья в Китай, а оттуда по Азиатско-Тихоокеанскому региону, включая Австралию, Южную и Северную Америку.

Еще в XIX в. российское правительство было заинтересовано в освоении дальневосточных земель. В числе первых переселенцев были старообрядцы различных со-

Хисамутдинов Амир Александрович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой восточных языков Дальневосточного государственного технического университета (Владивосток). E-mail: Amir.khisamutdinov@vvsu.ru.

Статья выполнена при финансовой поддержке гранта Президиума РАН, код проекта 09-I-P25-01, а также Японского гранта — Grant in — Aid for Scientific Research (21251013)(A). Cultural Adaptation to the Natural and Social Environment in the Forest Areas in the Russian Far East (Roshia kyokuto shinrin chitai ni okeru bunka no kankyo tekio).

гласий. На первом этапе среди них большинство составляли поповцы белокрыницкой иерархии. Узнав о том, что на Дальнем Востоке можно найти свободные земли, к ним присоединились липоване — русские старообрядцы, вернувшиеся в Россию из Австрии и поселившиеся в Амурской области. Большие старообрядческие поселения имелись в Южно-Уссурийском крае. В 1911 г. была учреждена Иркутско-Амурская старообрядческая епархия, в состав которой вошли приходы Амурской, Приморской, Забайкальской и Якутской областей, Иркутской губернии.

Октябрьская революция и Гражданская война заставили старообрядцев, в основном «поповцев», покинуть родные места в Сибири, Приморском и Хабаровском краях. Через Алтай и Приморье они эмигрировали в Китай, где центром старообрядцев стал Харбин: там в 1917 г. старообрядцы-поповцы основали общину в честь святых первоверховных апостолов Петра и Павла⁸. Несколько общин старообрядцев-поповцев было образовано и в Трехречье. В начале 1921 г. в Харбин перенесли кафедру епископа Амурско-Иркутского и всего Дальнего Востока, появились старообрядческие печатные издания⁹.

Одним из инициаторов строительства старообрядческой Свято-Петро-Павловской церкви в Харбине стал протоиерей Иоанн Кудрин¹⁰. Он происходил из семьи старообрядцев часовенного согласия Пермской губернии. Его родители присоединились к старообрядцам-поповцам, когда мальчику было семь лет. С восьмилетнего возраста он прислуживал в церкви, а в 19 лет стал начетчиком. В 1906 г. в Москве его произвели в диаконы, затем он был настоятелем церкви в Уфимской губернии. Кудрин хотел получить образование и в 1913 г. стал слушателем сельскохозяйственных курсов в Москве. Работая в кооперации, он публиковал статьи в журналах «Церковь» и «Старообрядческая мысль», являлся председателем Епархиального совета Пермско-Тобольской епархии (к 1917 г.). В Гражданскую войну он был проповедником в 3-й армии правительства А.В. Колчака. В Китае отец Иоанн Кудрин проявил себя миссионером, который не боялся полемики с православными священниками¹¹. Другим видным деятелем старообрядчества был протоиерей Иоанн Шадрин, настоятель Древлеправославного храма во имя Успения Пресвятой Богородицы в Харбине (с 1929 г.). Он жил в Трехречье, в пос. Верх-кули, и считался весьма знающим священником. Самые события в Советской России привели к значительному увеличению числа старообрядцев в Китае. К 1930 г. коллективизация докатилась и до Дальнего Востока, разрушив традиционный быт и культуру русских крестьян. По селам и деревням стало проходить раскулачивание, при этом закрывались все старообрядческие приходы, как поповцев, так и беспоповцев. Потерпев в 1931–1935 гг. поражение в сопротивлении новой власти, они переправлялись через пограничную реку Уссури около Хутоу, севернее озера Ханка, а также в других местах и селились в Харбине и Трехречье, недалеко от границы с Советской Россией. Это говорит о том, что эмигранты предполагали вернуться на родину после ожидаемого ими падения советского строя. Старообрядческие общины Маньчжурии поддерживали связь между собой.

Драматические события вынужденного переселения описала старообрядка Анна Басаргина, чьи родители зажиточно жили в Каменке Южно-Уссурийского края¹³. Отец имел мельницу, мать занималась домашним хозяйством. При раскулачивании мельницу отобрали, а отец пустился в бега, только ночами приходил навестить семью. На мать Ксению легла ответственность сохранить хотя бы часть хозяйства. При раскулачивании сначала забирали всякую живность, поэтому старообрядцы перекололи всех кур и гусей, засолили и спрятали под квашеной капустой. Затем дело дошло до «имения» — всякого нажитого имущества: устроили аукцион, на котором распродали все, что можно, даже только что скроенные рубашки.

Случалось, что кто-то доносил милиции на односельчан. Поэтому настал момент, когда старообрядческая семья была вынуждена бросить все и уйти из привычных мест. Брат отца, дядя Иосиф, предложил бежать в Китай. Мать продала остатки одежды, чтобы собрать деньги на побег. Это было опасное путешествие, при переправе через реку перевернулась

лодка, погиб трехлетний брат. Однажды, отбившись в пути от старших, отчаявшаяся 12-летняя Анна предложила своей сестре Анисии: «Давай скочим обратно в речку и утонем. Родителей нету, что нам делать»¹⁴. К счастью, позже дети нашли своих родичей.

С помощью проводника-китайца старообрядцы перешли границу, но и в Китае боялись, что их могут передать советской власти. Поэтому город Мишань они обошли стороной. Они поселились на берегу небольшой реки Силинхэ, в двух верстах от впадения ее в реку Муданьцзян и в 10 верстах севернее г. Муданьцзян, на земле, которую один китаец бесплатно им выделил. Свой поселок они назвали Силинхэ по имени речки. Подъехавшие родственники заселили другую деревню — Коломбо.

Наиболее крупным и характерным поселением была деревня Романовка, основанная летом 1936 г. в небольшой долине в окрестностях Хэндаохэцзы, которую обнаружили братья Калугины. Первыми поселенцами стали Иван Селедков с двумя сыновьями и Павел Поносков. Сначала они жили в палатке, а в ноябре 1936 г. поставили в отведенном месте одноклетную избу из дерева, срубленного в окрестном лесу с разрешения властей. В ней они с большим трудом перезимовали, занимаясь охотой. В феврале следующего года к ним пришли из разных мест Маньчжурии еще 14 мужчин, в том числе и Иван Калугин. Они привели лошадей. Проведя межевание пахотной земли и усадебных участков, мужчины начали строительство жилищ для своих семей. В марте в уже готовые избы приехали жены с детьми. Вскоре начались пахота и сев.

К концу 1937 г. в долине образовался целый поселок. Существует несколько версий происхождения названия деревни. Согласно одной из них, она названа по имени Романовской пади и одноименной речки¹⁵. Также можно предположить, что старообрядцы назвали свою деревню по одноименному поселению в Приморье¹⁶. Старообрядцы отмечали в своем ходатайстве властям: «У нас одна вера (мы все староверы), одна родина и занятия (крестьяне-охотники). Мы горячо желаем проживать вместе, служить народу, обществу и государству. Посему убедительно просим вас сдать в аренду участок земли, подходящей для земледелия и постройки поселка... Сейчас в нашей группе 25 семей, в том числе: мужчин — 33, женщин — 28, детей — 1. Имеющийся скот и инвентарь: лошади — 28, коровы — 23, плуги — 2, телеги — 2, бороны — 4». В центре Романовки стояла молельня, построенная в 1939 г., где находились старинные иконы и книги. Кроме того, каждый бережно хранил у себя святыни, вывезенные из России. Настоятелем был Ксенофонт Петрович Бодунов, изба которого располагалась напротив молельни. Старообрядцы были отличными плотниками и кузнецами: сами строили избы и изготавливали различную домашнюю утварь. Внешне избы были простыми и лишенными украшений, но конструктивная продуманность удовлетворяла всем требованиям рациональности и удобства. В частности, большим достоинством их жилищ была хорошая защита от мороза и ветров.

Хозяйство Романовки было преимущественно натуральным. Чем больше леса расчищалось под пашню, тем более земледелие преобладало над скотоводством и охотой. По данным на 1940 г., каждая семья имела по две десятины пашни. Выращивали пшеницу, гречиху, бобы, картофель, овес и ячмень (на корм скоту), кукурузу (для домашней птицы) и т.п. Из домашнего скота романовцы держали лошадей, коров, коз, свиней, кур и т.д. Летом скот пасли на пастбище, а зимой содержали в хлеву. В огороде сажали капусту, огурцы, тыкву, свеклу, помидоры, арбузы, дыни, редиску, редьку и другие овощи. Занимались и пчеловодством. Романовцы не обеспечивали себя полностью продовольствием и фуражом и были вынуждены покупать пшеницу, рис и лук у корейцев, живших поблизости от их поселка. Огороды удобряли навозом, но пашню и удобрения каждой избы был нарядно украшен: бросались в глаза расшитые цветами яркие занавески, иконы в красном углу, фотографии в рамках под стеклом, фикусы и герань в горшках, раскрашенные сундуки и т.д. Но электричества не было, и жилье освещалось свечами из пчелиного воска.

Хлеб пекли преимущественно пшеничный из дрожжевого или пресного теста. Мясо давали скот, домашняя птица или добыча охотников. Нередко на столе появлялась рыба: в речке около поселка ловилась форель (ленок). В будний день пили квас, а по праздникам из меда, ягод или дикого винограда варили «брагу» или «медовуху». Из кишмиша, дикого винограда и калины варили варенье. Всех поражала красота праздничного наряда романовских женщин: на фоне пейзажа Маньчжурии их национальные костюмы казались необычными.

Романовцы жили необычайно сплоченно. Деньги от продажи пойманного зверя, например, живого тигра, распределяли между всеми семьями. Даже подарки посетителей не попадали кому-либо в исключительное владение. Селяне помогали друг другу не только рабочей силой, но и рабочим скотом, сельскохозяйственными орудиями.

В первой половине 1940-х гг. кроме Романовки в восточной Маньчжурии существовало еще несколько староверческих поселений: Коломбо, Силянхе, Ханьдаохэцзы, Мерген, Татицван, Чипигу (Масаловка) и Медяны. В Силянхе, основанном в 1932 г., жили братья Дмитрий и Логин Гостевские, Герасим Юрков, Сазон Бодунов. В селении Дацзицюань, в долине реки Танванхэ, в 12 верстах от железнодорожной станции Вэлин, жили Игнатий Басаргин, его сын Ефим и его четыре двоюродных брата, сыновья Кондратия: Ефим, Анисим, Федул и Степан. Поселения староверов имелись в таких больших городах, как Харбин, Цицикар, Бухэду и Хайлар или около них. Одним из наиболее популярных видов деятельности старообрядцев являлась охота, тем более что маньчжурская тайга была очень богатой на дичь. В районе трех линий КВЖД промышляли до трех тысяч русских охотников¹⁸. Большинство предпочитали охотиться на птицу или пушного зверя, и только небольшая часть добывала тигра. Особенно удачливым считался житель Ханьдаохэцзы Семен Калугин, который за зимний сезон 1936 г. добыл семь зверей. Другими известными и удачливыми охотниками-профессионалами были Лука Малахов, Федор Мартышев и Петр Калугин¹⁹. По мнению китайских медиков, препарат из тигриного сердца дает человеку необычайное мужество и стойкость, а амулеты из когтей и усов возвращают утраченную любовь. Обычно туша тигра оценивалась от 900 до 1500 гоби (гоби — денежная единица Маньчжоу-го)²⁰, и один убитый тигр мог дать больше прибыли, чем самый удачный охотничий сезон²¹. Охота регулировалась правилами правительства Маньчжоу-диго и Харбинским обществом правильной охоты и рыболовства, которое в 1936 г. было преобразовано в секцию охоты и рыболовства при Главном бюро по делам российской эмиграции в Маньчжурии (БРЭМ). Старообрядцы также занимались отловом живых тигров для продажи в зоопарки.

Популярной была и добыча оленьих пантов, которые использовались для приготовления лекарств традиционной китайской медицины. Китайцы утверждают, что такое лекарство излечивает малокровие, бессонницу, головокружение, ревматизм, слабость десен и зубов, расстройства желудка, камни в почках и другие серьезные болезни. В 30-е годы внимание восточной медицине, в частности, настойкам с использованием оленьих пантов, стали уделять и европейские медики. По этой причине панты в Китае стоили очень дорого: за пару пантов средней величины давали от 500 до 600 гоби, а за крупные можно было получить около 1000 гоби²².

Охота на оленей-пантачей начиналась в Маньчжурии в начале лета и длилась почти до августа. Этот род охоты не таил в себе такой опасности для охотника, как добывание тигра, но требовал большого опыта, навыка и ловкости. Главная трудность заключалась в том, что в период роста пантов олень становится особенно нервным и чутким. В это время он скрывается в глубине тайги, изредка выходя на водопой и кормежку. Охота на оленя основывалась на глубоком знании привычек зверя и навыках охотника. Выследив оленя, охотник целыми часами сидел в засаде. Кроме того, оленя следовало убивать одним выстрелом, чтобы он не мог повредить рога. Иногда оленей подманивали искусственными солончаками. Журнал «Рубеж» писал: «Минувший сезон (1936 г. — А.Х.) пантовой охоты прошел, в общем, довольно удачно. Группе известных здесь охотников на крупного зверя,

во главе с братьями Калугиными, Мартюшевыми и Назаренко, удалось добыть целую коллекцию пантов, принесшую им довольно солидный заработок»²³.

Если в начале освоения территории здесь было много зверя, то со временем его становилось все меньше. Уже в середине 30-х годов ставился вопрос о заповедниках²⁴. По свидетельству писателя-эмигранта Н.А. Байкова, охотой в этих местах занимались до 40 тыс. чел., включая китайцев и представителей коренных народностей. Охотники добывали зверя и дичи на сумму около 20 млн иен²⁵. Промысловое значение имели 36 видов животного мира. Возглавлял список тигр, который водился в основном в горных лесах пров. Гири и горах Малого Хингана. В год добывалось около 50 тигров. Особенно ценились кости, кровь, мозг, глаза, когти, печень, сердце, половые органы и, конечно, шкура²⁶.

Историк русской эмиграции И.И. Серебренников записал 11 января 1942 г. в дневнике: «Харбинские газеты сообщили об одном охотничьем подвиге, который совершила недавно в делях Маньчжурии группа русских охотников. Мне хочется сохранить в дневнике сообщение об этом подвиге целиком, и потому я приведу здесь его дословно. Семь тигров, восемь изюбрей и пять кабанов: это знатные результаты охоты, добавлю я от себя. Дальнейшие газетные сведения сообщили нам, что охотники продали свои охотничьи трофеи за 25.000 гоби... Тигры дадут охотникам 25.000 гоби. Вчера представители группы русских охотников с восточной линии Ж. Д. К. Назаренко и С. Калугин закончили переговоры с лицами, желающими приобрести убитых и пойманных живых тигров. Три тигра, включая сюда самого крупного, пошли в одни руки за 10.500 гоби и четвертый за 2.670 гоби, таким образом, убитые тигры дали охотникам 13.170 гоби. Кроме того Синьцзинским зоологическим садом приобретены по официальной цене все живые тигрята, что по предварительным расчетам должно дать им еще 11.000 гоби. Таким образом, включая выручку от продажи изюбрей, 5 охотников выручат 25.000 гоби. Пока тигрята остаются в Харбине. 10 января они будут погружены К. Назаренко в загон и под его присмотром будут отправлены в Синьцзин»²⁷.

Самым тяжелым испытанием для староверов в первые годы жизни в Маньчжурии была борьба с хунхузами. Староверческие селения находились в отдалении от других населенных пунктов, поэтому они часто становились жертвами разбоя. Осенью 1933 г. на пос. Силинхе, который в то время состоял из тринадцати дворов, напала крупная банда. Несмотря на то, что бандитов было вдвое больше, старообрядцы смогли отбить нападение, уничтожив около 50 бандитов²⁸.

Зимой 1938 г. Елисей Калугин, младший сын Ивана, был убит в тайге во время охоты²⁹. Месть за односельчанина-единоверца описал с большой живостью Н.А. Байков в романе «Тайга шумит», изданном в Харбине: «Хунхуз был настигнут подоспевшим товарищем-охотником и получил меткую пулю с дальнего расстояния. Убитый хунхуз был осмотрен, причем выяснилось, что он из той шайки, которая... имеет укрепленную базу в сорока километрах от Романовки, на берегу Хайлинхе. Численность ее доходила до пятидесяти человек. Узнав об этом убийстве, романовцы решили уничтожить шайку. Был сформирован отряд из 12 поселян во главе с Семеном Калугиным, дядей убитого Елисея. За ночь отряд покрыл по снегу 40 километров и наутро внезапно напал на базу врага. Застигнутые врасплох хунхузы были почти полностью уничтожены, но и романовцы понесли урон: в бою был убит Иван Калугин, брат Семена»³⁰.

Во время жизни в Китае старообрядцы полностью сохранили свою культуру. В первую очередь этому способствовала жизнь в замкнутых общинах и поселениях, находившихся в глубине Маньчжурии, в областях, близких по природно-климатическим условиям дальневосточному региону. Способы адаптации к местным природно-экологическим, социально-экономическим, демографическим и культурным условиям были отработаны еще в России, где старообрядцам уже пришлось испытать переселение и приравниваться к жизни в новых условиях³¹.

Степень открытости к внешнему миру у старообрядцев-поповцев и беспоповцев была различной. Первые деятельно участвовали в социальной жизни эмиграции, не бо-

ьясь открытой полемики с православием. Беспоповцы, напротив, сторонились общественной активности, выбирая более удаленные поселения. И те, и другие занимались хлебопашеством и скотоводством, но первые хозяйствовали на более «коммерческом» уровне, были вовлечены в экономическую жизнь региона и контакты с другими социальными слоями, а «беспоповцы» в основном вели хозяйство для собственных нужд.

В связи с этим неодинаковой была и степень сохранности традиционной русской культуры. Отчасти это было связано и с тем, что поповцы, понимая важность образования, отдавали детей в различные школы и гимназии, часто вдали от дома, что не способствовало сбережению не только традиций, но и самой веры. Различия в уровне сохранности традиционной культуры наблюдались и у разных поколений: у старшего и среднего поколений поповцев он был высоким, у младшего — значительно более низким. Несмотря на различия в укладе жизни «поповцев» и «беспоповцев», они контактировали между собой. Так, «беспоповцы» пользовались старообрядческой литературой, в частности календарями, покупая ее у «поповцев» в Харбине.

При переезде в Китай не произошло больших изменений в материальной культуре старообрядцев. В частности, они носили традиционную нательную и верхнюю одежду и обувь в повседневные и праздничные дни. Однако они заимствовали некоторые предметы материальной культуры у китайцев, например, ткань для одежды. Поэтому она стала более нарядной, чем при жизни в России. Не было внесено новых конструктивных особенностей в строительство жилья и его интерьер: «красный угол» с иконостасом, фотографии родственников по стенам, набивные рисунки на тканях, украшавших комнату. Пищевые продукты и кухонная утварь, которые можно было купить в китайских или русских магазинах, способы заготовки и хранения продуктов, приготовления еды также были традиционными³².

Ничего не изменилось и в семейно-брачных отношениях. Во всем строго соблюдались традиции, особенно внимательно подходили к степени кровного и духовного родства. У беспоповцев почти не случалось выбора партнера из иной этнической среды, тем более что на том этапе хватало женихов и невест. В сельской местности в брак вступали довольно рано: девочки в возрасте 14–16 лет, юноши — в 15–18 лет. В городской местности у старообрядцев-поповцев нередкими были браки с представителями иной веры, но возраст для замужества и женитьбы был выше, чем у беспоповцев. Не наблюдалось больших изменений и в традиционном разделении производственного и домашнего труда на мужские, женские и детские работы. Мужчины обычно занимались охотой и работой в иных районах. Женщины были хранительницами очага, выполняя всю домашнюю работу и воспитывая детей. Старообрядческие семьи были большими. Особенно это бросалось в глаза по сравнению с «белой» эмиграцией, где в семье чаще всего был один, максимум два ребенка. В семьях староверов росли от пяти до десяти детей, а иногда и больше. Правда, детская смертность была высокой, тем более что у старообрядцев отсутствовала медицинская помощь.

Система образования у поповцев и беспоповцев различалась. У первых существовала начальная ступень в церковно-приходской школе, также они учились в эмигрантских учебных заведениях различного уровня, вплоть до высших. У беспоповцев образование ограничивалось первой ступенью: обучение чтению на древнерусском языке, что было необходимо для проведения религиозных служб. В то же время были случаи, когда старообрядцы для обучения детей нанимали преподавателей из эмигрантов. Кроме того, невысокий уровень образования восполнялся общением с китайскими или японскими детьми и освоением их языков: старообрядцы знали их превосходно³³. Основы группового взаимопонимания, конфессиональной общности и культурного самосознания определялись старшим поколением. Старейшины устанавливали нормы поведения, предусматривавшие ряд религиозных запретов, следили за соблюдением традиционных обычаев и обрядов, определяли религиозно-культурные правила для

членов своей общины, контролировали строгие еженедельные и более продолжительные посты, обязательные часы молитвы и прочее.

На взрослых лежала обязанность по приобщению своих детей к образу жизни общин, почитанию родителей, кровного родства и родства по свойству, поддержанию иерархической структуры семейных обязанностей. Они же сохраняли традиционные календарные и семейные (родильно-крестильные, свадебные, похоронно-поминальные) обряды.

Японская оккупация Северной Маньчжурии почти не изменила жизнь старообрядцев. Японцы совершенно не обращали внимания на внутреннюю структуру и особенности старообрядческой общины. Как и все русские эмигранты на севере Китая, старообрядцы были обязаны встать на учет в БРЭМе, заполнить соответствующую анкету. Старообрядческие общины выбирали из своей среды представителя БРЭМа, на котором лежали обязанности по общению с властями³⁴.

Как и вся русская эмиграция, старообрядцы были обязаны участвовать в общественных работах, в частности, в строительстве дорог со своим рабочим скотом или в системе японской гражданской обороны. Япония строила планы по вторжению на территорию советского Дальнего Востока, и русские эмигранты должны были стать связующим звеном между русским населением и японцами. Старообрядцев привлекали и на воинскую службу, готовя их на роль проводников. В основном они проходили подготовку в русском отряде «Асана», которым командовали японские офицеры.

Старообрядческие общины имелись и в Синьцзяне, на северо-западе Китая, где поселились те, кто бежал из России через Алтайские горы — причем не только старообрядцы, но и другие эмигранты, по религиозным или политическим причинам не приемлющие советскую власть. Здесь старообрядцы обосновались, главным образом, неподалеку от городов Кульджа и Урумчи, где нашли плодородные земли. Их жизнь не отличалась от жизни соотечественников в Маньчжурии. Сажали пшеницу, держали пасеки, пшеницу и мед свозили в районные центры или в китайские и казахские поселки на обмен и продажу. Занимались и охотой: ходили на медведя, кабана, оленя, били белку. Особенных контактов между «харбинцами» и «синьцзянцами» не было. Они начались только во время бегства в конце 50-х годов, в Гонконге³⁵.

1945 г. поставил точку на отлаженной жизни старообрядцев в Китае. Советская армия захватила в Харбине архив БРЭМа, и были выявлены те, кто в той или иной степени контактировал с японцами. Сразу же были арестованы и депортированы в СССР почти все старообрядцы-мужчины, кроме нескольких стариков. Советские дипломаты стали проводить в Маньчжурии и Синьцзяне агитацию за возвращение русских на родину. Некоторое время семьи старообрядцев, оставшиеся в Китае, ждали возвращения мужчин, но с каждым годом надежда гасла. В Китае же все прочнее устанавливалась власть коммунистов. На рубеже и в начале 50-х годов русским баптистам и пятидесятникам удавалось уехать через Шанхай на Филиппины и оттуда в другие страны. Через них старообрядцы узнали о правилах эмиграции из Китая³⁶.

С середины 50-х годов из самых глубинных районов Китая, семья за семьей, оставив хозяйства, со скромными пожитками, старообрядцы на попутных грузовиках и повозках добирались до ближайшей железнодорожной станции, а там на поездах, с документами и без них, отправлялись в Тяньцзинь и Шанхай. Уже оттуда на теплоходах в 1958–1959 гг. они уезжали в Гонконг. Китайские таможенники строго следили за тем, чтобы старообрядцы не вывозили из Китая никаких ценностей, включая золото и бумажные деньги³⁷.

Долгие месяцы, пока в кабинетах посольств и консульств решалась их дальнейшая судьба, сотни семей старообрядцев провели в ожидании разрешения на отъезд, чаще всего без работы, довольствуясь небольшим пособием. Устроиться и продержаться в Гонконге им помогали Международный Красный Крест и Объединенный Всемирный Совет Церквей. Оттуда они смогли разъехаться по разным странам. Упомянувшийся выше настоятель старообрядческого храма в Харбине протоиерей Иван Кудрин в 1958 г. уе-

хал из Китая в Австралию. Его стараниями в пригороде Сиднея открыли храм, где отец Иоанн служил до своей смерти в 1960 г.

В Южной Америке до сих пор есть поселения старообрядцев в Аргентине, Бразилии, Парагвае, Уругвае, Боливии. Старообрядцы, расселившиеся в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, в том числе оregonские и аляскинские, оторвавшись от родных мест более 60 лет назад и прожив все эти годы в инокультурной среде, тем не менее сумели сохранить свою историческую память, родной язык и многие важные черты традиционной материальной и духовной культуры русского народа. В то же время они стали частью американской нации, восприняв некоторые черты культурного наследия принимающей стороны³⁸.

1. *Старцев Н.Е.* Дальневосточный старообрядец: В память десятилетия освящения старообрядческого храма святых верховных апостолов Петра и Павла в г. Харбине, 1925–1935. Харбин: Изд. К.И. Кудрина, 1935. 32 с.
2. Охота на тигров: По рассказу Пимена Якунина (Николаевск, 22 янв. 1980) / сост. М. Басаргина и В. Фефелова; рис. О. Басаргиной. Nikolaevsk School (Аляска), 1980. 28 с., ил. (на рус., англ. и др. яз.).
3. *Fujiyama Kazuo.* Romanofuka Mura [Деревня Романовка] // Manshu Minzoku Zuroku, 2 / Kokuritsu Chuo Hakubutsukan. Shinkyo (Чанчунь), 1941; *Idem.* Romanofuka Mura. Tokyo, 1942; *Yamazoe Saburo.* Romanofuka Mura no Hanashi [Рассказы о Романовке]. Shinkyo (Чанчунь), 1941.
4. См., напр.: *Накамура Е.* Романовка — поселок старообрядцев в Маньчжурии (1936–1945 гг.) // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америке. Новосибирск, 1992. С. 247–253; *Он же.* Староверы глазами японцев // Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока. Владивосток, 2000. С. 102–108 и др.
5. *Igaie Naho.* Nihonjin to Romanofuka Mura: Nihongawa Shiryo ni Arawareru Kyu-Manshu Roshiajin Kogishikiha Kyoto no Hyosho [Japanese and Romanovka village: Perspectives on Manchurian Old Believers in Japanese documents and visual materials] // Sever. Osaka, 2009. No 25. P. 55–77.
6. См.: *Аргудяева Ю.В.* Русские старообрядцы в Маньчжурии. Владивосток, 2008. 400 с.: ил. и др.
7. См., напр.: *Кобко В.В.* Старообрядцы в Синьцзяне // Миграционные процессы в Восточной Азии: Материалы междунар. науч. конф. Владивосток, 1994. С. 174; *Она же.* Судьба репатриации: Синьцзянские старообрядцы в Приморье // Россияне в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Сотрудничество на рубеже веков: Материалы первой междунар. науч.-практ. конф. Владивосток, 24–26 сент. 1997 г. Владивосток, 1998. С. 173–179.
8. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 831. Оп. 2. Д. 29. Л. 36–38.
9. *Тюнин М.* Духовно-нравственные издания г. Харбина: Библиогр. очерк // Хлеб Небесный. Харбин, 1940. № 11. С. 38.
10. *Кудрин И.Г.* Жизнеописание священника и отца семейства. Барнаул, 2006. 288 с.
11. См. соч. И.Г. Кудрина: Древняя Русь и старообрядчество. Харбин, 1929. 44 с.; Священномученик протопоп Аввакум. Харбин, 1931. 47 с.; О единоверии: Беседа новообрядческого священника со старообрядцами. Харбин, 1933. 38 с.; Как Святые Отцы учили о Православной Церкви. Харбин, 1935. 31 с.; Борьба с безбожием. Харбин, 1937. 4 с.; Голос старообрядца в защиту своих упований (По поводу брошюры протонерея Аристарха Пономарева «Об единоверии»). Харбин, 1939. 174 с.
12. *Шадрин И.* Отчего произошел раскол в Православной Церкви в XVII столетии. Харбин, 1937. 161 с.; Рец.: Дмитрий. Мысли православного богослова // Хлеб Небесный. Харбин, 1941. № 9–10. С. 46–50; № 12. С. 4–11.
13. How we escaped from Russia = Как мы бежали с России / As told to O. Basargin by Anna Basargin = Как рассказала Олимпияде Басагиной Анна Басаргина. Nikolaevsk, 1989. 15 с. (на рус. и англ. яз.).
14. Там же. С. 6.
15. *Гомбоев Н.Н.* Вражда // *Гомбоев Н.Н.* Маньчжурия глазами охотника. Б.м., б.г. С. 79.
16. Названа в честь военного инженера Д.И. Романова, который прокладывал в этом районе первую телефонную линию.
17. *Накамура Ёсикадзу.* Романовка. Поселок староверов в Маньчжурии // Старообрядец. 2005. № 34 [Электронный ресурс]. URL: <http://bichura.ru/content/view/98/1/>; *Накамура Е.* Романовка — поселок старообрядцев в Маньчжурии (1936–1945 гг.) // Традиционная духовная и мате-

- риальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америке. Новосибирск, 1992. С. 250–255.
18. *Муратов Б.* Охота на тигра в Маньчжурии // Рубеж. Харбин, 1936. № 14 (28 марта). С. 17; *Зуев С., Косицын Г.* (по статьям Н.А. Байкова). Охота в Северной Маньчжурии // Политехник. Австралия, 1979. № 10. С. 250–257.
 19. *Гомбоев Н.Н.* Охотничье счастье // *Гомбоев Н.Н.* Указ. соч. С. 22–29.
 20. *Муратов Б.* Охота на тигра в Маньчжурии: опасный, но прибыльный промысел // Рубеж. 1936. № 14 (28 марта). С. 17. См. также: *Он же.* По маньчжурской тайге за тигром: Блестящий трофей охотника Петра Могучего // Там же. № 17 (18 апр.). С. 19.
 21. Три тигра на двоих! (Об охоте Назаренко и Суховеева) // Рубеж. 1937. № 4 (23 янв.). С. 17.
 22. *Муратов Б.* За пантами в тайгу... Самый прибыльный вид охоты // Рубеж. 1936. № 29 (11 июля). С. 18.
 23. Там же. С. 19.
 24. *Байков Н.А.* Промысловые звери и проблема звероводства в Маньчжурии // Вестник Маньчжурии. Харбин, 1934. № 6 (июнь). С. 98–99.
 25. Там же. С. 94.
 26. *Байков Н.А.* Зверовой промысел и пушная торговля Маньчжурии // Там же. 1931. № 10. С. 50–54.
 27. Архив Гуверовского института (США). Коллекция И.И. Серебренникова. Коробка В. 2, папка (folder) 3. Газетная вырезка наклеена на л. 30.
 28. *Гомбоев Н.Н.* Хунхузы в ловушке // *Гомбоев Н.Н.* Указ. соч. С. 5–10.
 29. Хунхузы: По рассказу Анны Басаргиной (6 ноября 1979, Николаевск) = Guerillas: Old Believers life in China. Николаевск, 1980. 14 с. С. 14 (словарь понятий); 2-е изд. 11 с.
 30. *Байков Н.А.* Поселок Романовка // *Байков Н.А.* Тайга шумит: Сб. Харбин, [1939]. С. 176–191.
 31. Подробно об этом см.: *Никитина С.Е.* Устные жанры в конфессиональной культуре (старообрядцы в сопоставлении с молоканами и духоворами) // Русские старообрядцы: язык, культура, история: Сб. ст. к XIV Междунар. съезду славистов. М., 2008. С. 39–40.
 32. *Накамура Е.* Романовка — поселок старообрядцев в Маньчжурии (1936–1945 гг.). С. 250–255.
 33. *Касаткина Р.Ф.* Вечные странники в Орегоне // Русские старообрядцы: язык, культура, история: Сб. ст. к XIV Междунар. съезду славистов. М., 2008. С. 186.
 34. *Аргудяева Ю.В.* Русские старообрядцы в Маньчжурии. Владивосток, 2008. С. 110–112.
 35. *Лысова А.Н.* Китай — Бразилия — США // Русские старообрядцы: язык, культура, история: Сб. ст. к XIV Междунар. съезду славистов. М., 2008. С. 395–405.
 36. Читатель «Первопоходника» // Первопоходник. Лос-Анджелес, 1976. № 33. С. 30–37.
 37. *Мартюшев П.Г.* Вот как русские делают // *Зеньковский С.А.* Русское старообрядчество: в 2 т. М., 2009. С. 654–656.
 38. См.: Музей Русской культуры в Сан-Франциско (США). Коллекция А.С. Лукашкина. Папка Русские старообрядцы и Федерация благотворительных организаций в Нью-Йорке и Сан-Франциско (США); *Моррис Р.* Мир молодых старообрядцев в Орегоне // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии Америки. Новосибирск, 1992. С. 17–22.